

Все жду, когда кончатся деньги. Они пока не кончаются

Вчера в Большом зале консерватории Юрий Башмет в сопровождении своего оркестра «Молодая Россия» исполнил «Литургию» Гии Канчели — сочинение, ему посвященное и многократно уже игранное им на других концертных площадках мира. Перед московской премьерой «Литургии» с живущим в Антверпене грузинским классиком Гией КАНЧЕЛИ побеседовала Екатерина БИРЮКОВА.

— Вам часто доводится по-грузински разговаривать?

— Дома с женой говорю, по телефону со своими соотечественниками. И когда в Тбилиси приезжаю. И самое главное — я мыслю по-грузински. Но вообще-то я двуязычный: знаю грузинский и русский.

— А как же вы без языков на Западе общаетесь?

— Мое общение в основном происходит с клавиатурой инструмента. Издатель мой, хоть и немец, владеет русским. Что же касается музыкантов, то это профессиональный разговор, который происходит в основном с помощью итальянской музыкальной терминологии.

— Вы учитываете пожелания музыкантов, когда для них пишете?

— Естественно, я учитываю какие-то предложения, если нахожу их правильными. Но приятнее всего работать с теми, кто без предварительных объяснений вникает в суть моей музыки. Когда не приходится доказывать, что ее надо играть очень медленно и очень тихо.

— Откуда у вас такая любовь к медленной и тихой музыке?

— Вы знаете, это вопрос, на который при всем желании невозможно ответить. Почему один человек медленно ходит, а другой — даже если никуда не спешит — быстро? Почему у кого-то во время разговора бывают паузы, а у кого-то их не бывает вовсе?

— Но вы же не всегда такой.

Мы знаем вашу музыку для кино и театра. Она не обязательно медленная и тихая.

— Просто там я выполняю вспомогательную функцию и стараюсь сделать то, что просит режиссер. Когда же я остаюсь наедине с собой, я сам являюсь режиссером, хореографом, автором сценария, постановщиком, композитором, осветителем. Это уже мой спектакль. Но в кино, кстати, тоже у меня бывает по-разному. Есть много фильмов, где звучит медленная симфоническая музыка. Просто это незаметно. А вот песня «Чито-грито» из «Мимино» у всех слышна.

— Вы пишете прикладную музыку на Западе?

— Только в тех случаях, когда Роберт Стуруа ставит в Англии, Финляндии, Греции. А что касается фильмов, то я работаю только с Данелией. И вот совсем недавно закончил работу с режиссером Алексеем Зерновым. Этот фильм скоро пойдет по телеканалу «Россия».

— А в западном кинематографе вам было бы интересно поработать?

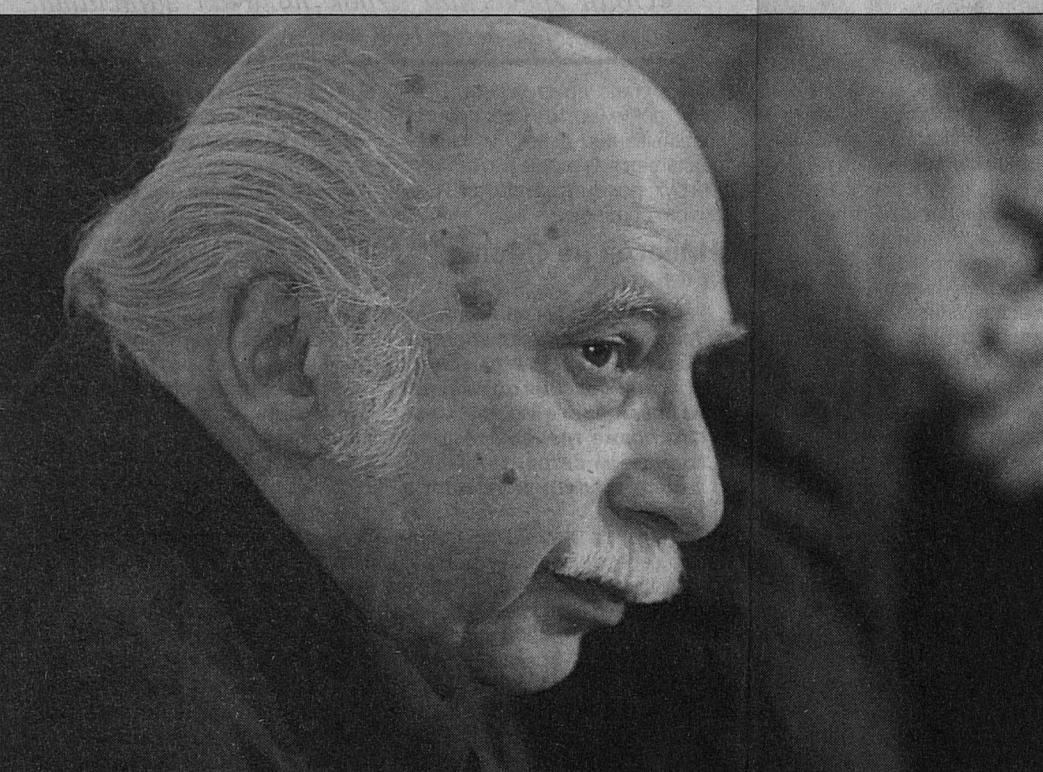
— Нет. У меня столько своей работы, что на это не остается времени. Поэтому если бы у меня и были какие-то предложения, то я бы от них отказывался. Но дело в том, что у меня их нет, потому что мало кто на Западе знает, что я работаю в кино. Это в Грузии меня знают в основном не по симфонической музыке, а по прикладной музыке. А на Западе — наоборот.

— Как вы уехали из Грузии?

— В 1991 году я получил стипендию немецкой Академии искусств на один год. Этот год я жил в Берлине как у Христа за пазухой, имел роскошную квартиру, роскошный рояль, внушительную стипендию. Но год закончился, надо было возвращаться. А в Тбилиси ситуация была очень тяжелая. Назревала гражданская война, я это чувствовал. Я принадлежал к той малочисленной части людей, которые не принимали режим первого грузинского президента. Так что, получив первое предложение из Амстердама и соответствующий гонорар, я снял гораздо более скромную квартиру и продолжал работать на Западе. И решил, что, пока у меня будет возможность оплачивать квартиру и нормально питаться, я буду работать там. С тех пор все жду, когда кончатся деньги. Они пока не кончаются. Наоборот, у меня предложений — до 2007 года.

— Oper среди них нет?

— Не было. Но у меня уже есть опера, которая называется «Музыка для живых». Вон, видите, на столе кассеты лежат. Это устаревший формат, который давно снят с производства. Тут весь материал про гастроли в 1984 году Тбилисского театра с моей оперой в Большом. Я нашел эти кассеты в подвале.

НИКИТА РЫБАКОВ

ле у дамы, которая в то время приезжала в Москву от грузинского телевидения. Потом я приобрел три кассеты «Бетакам», привез их в Москву и теперь еду на Шаболовку, где мне их перегонят. Потому что такой старой аппаратуры больше почти нигде не осталось.

— Над вашей оперой вы работали вместе со Стуруа, которого москвичам скоро вновь придется увидеть в качестве оперного режиссера: в конце месяца он выпускает «Мазепу» в Большом. Я знаю, что он даже принимал участие в написании вашей оперы.

— Он написал либретто, учитывая мои пожелания. Например, по моей просьбе ввел хор мальчиков, которые поют на вымершем шумерском языке. Стуруа придумал оперу в опере. Во время Первой мировой войны театр Ла Скала выехал с шефским представлением в военный госпиталь. На сцене идет такая мелодрама на итальянском языке, которая трагически прерывается — в госпиталь попадает бомба. И те, кто выжил, заканчивают эту оперу.

— Какова судьба этого сочинения?

— Опера шла несколько лет. У нас трудно было в Тбилиси найти настоящий хор мальчиков. Поэтому

мы нам пришлось к мальчикам примешивать девочек. Опера шла до тех пор, пока некоторые девочки не забеременили от некоторых мальчиков. Потом эту оперу сняли. Насколько я знаю, идут разговоры о том, чтобы восстановить ее в нашем оперном театре. Но пока в Тбилиси довольно тяжелая финансовая ситуация, и я думаю, что это невозможно. Года четыре назад «Музыку для живых» поставили в Веймаре. Была та же команда — режиссер Стуруа, художник Месхишивили и музыкальный руководитель Вахтанг Каидзе.

— Расскажите о сочинении, которое только что прозвучало в Москве.

— Когда-то Каидзе в Большом зале консерватории играл мою Шестую симфонию, на этом концерте оказался Башмет, с которым мы еще не были знакомы. После концерта Башмет зашел ко мне и предложил подумать о сочинении для него. Потом прошло еще какое-то время и ушел из жизни мой ближайший друг, музыкант, философ и писатель Гиби Орджоникидзе. У меня появилось желание написать для Башмета сочинение памяти Орджоникидзе. Что я и сделал. В первый раз это сочинение сыграли на фестивале в Западном Берлине — с Гергиевым и оркестром Кировского театра. После этого исполнения по-

— Могу назвать «Отпечатки пальцев». Это сочинение было написано для фестиваля моей музыки в Мельбурне. А самая последняя премьера была в Англии. Сочинение называлось Little Imber. Это такая маленькая английская деревня. В 1943 году по приказу Черчилля из нее срочно сделали профессиональный артиллерийский полигон, а людей, живших в ней, переселили. Сейчас в ней стоят уже не настоящие дома, а такие каркасы (с перекрытиями и комнатами внутри), по которым стреляют. А на другой день эти каркасы снова восстанавливают. На одном из холмов там стоит церковь, необыкновенно красава, построенная в XIII столетии. Естественно, по ней никто не стреляет, но она еле-еле дышит. Потому что нет никакого ухода за ней. И вот на этой территории был осуществлен проект с моей музыкой, для этого пришлось получать специальное разрешение. Все мероприятие длилось два с лишним часа. Сначала из всех этих каркасов звучала моя кино- и театральная музыка. А шествие с грузинским фольклорным ансамблем «Рустави» впереди направлялось к церкви. Потом все поднялись в церковь (там стоя помещается не больше трехсот человек, поэтому проект повторяли три вечера подряд), и там исполнилось мое новое сочинение Little Imber.

— Когда вы приезжаете в Москву, то едите в грузинских ресторанах?

— Недавно я и Данелия увидели на Новом Арбате ресторан «Чито-грито». Я ему сказал: «Георгий Николаевич, все-таки это моя песня, а фильм твой. Пойдем, посмотрим, как нас встретят». Встретили очень хорошо. Даже не взяли денег.

— Что вы писали в последнее время?